

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакция продолжает публиковать материалы, посвященные соотношению философии и политических наук. Ранее в статье А.А. Демкальчук (ФН. 2013. № 8) рассматривался случай прямого воздействия философских идей (Дж. Остина) на развитие конкретной политической теории секьюритизации. Затем В.Н. Конышев и А.А. Сергунин (ФН. 2013. № 9) продолжили тему анализом смены позитивистской парадигмы теории международных отношений под влиянием современных факторов динамики теоретических концептуализаций.

В публикуемой работе Д.Э. Летнякова «Всегда ли «культура имеет значение»? О продуктивности культур-центричных подходов в политической науке» рассматривается один из таких ключевых факторов, а именно – роль и значение культурной специфики, на которую в последнее время списывается очень многое в неудачах политической модернизации современной России.

«Философские науки» планируют еще неоднократно возвращаться к методологически и теоретически важной тематике взаимного влияния философии и политической теории.

ВСЕГДА ЛИ «КУЛЬТУРА ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ»? О ПРОДУКТИВНОСТИ КУЛЬТУР-ЦЕНТРИЧНЫХ ПОДХОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Д.Э. ЛЕТНЯКОВ

В 2000 г. в США был опубликован известный сборник под названием «Culture matters: How values shape human progress», переведенный спустя два года на русский язык¹. Постулируя главный тезис, выраженный в заголовке коллективного труда, его авторы имели в виду, что культура есть «главный (хотя и не единственный)... фактор социального, политического и экономического развития»², а потому, если мы хотим понять процессы, происходящие в какой-либо стране, мы должны обратить внимание прежде всего на ценности, культурные установки, особенности менталитета, присущие данному обществу. При этом большинство участников сборника все-таки постаралось занять более или менее взвешенную позицию, оговариваясь, что культуру неправильно рассматривать в качестве «независимой переменной» общественного развития, что она сама

может меняться под воздействием социально-экономических и политических трансформаций и что, таким образом, существует взаимное влияние: с одной стороны, культурных установок на политику и экономику, с другой — политики и экономики на культурные установки и ценности.

Хотя не обошлось и без более радикальных оценок, например, профессор Гарвардского университета Д. Ландес в своей статье доказывал, что «главная мысль, которую можно вывести из истории экономики, заключается в том, что почти все в ней объясняется культурой»³. Любопытно, что в качестве одного из подтверждений своего тезиса он ссылается на пример постсоветской России — поскольку в российской культуре в силу исторических причин сформировалось «враждебное отношение к предпринимательству», то и сегодня, «когда коммунистический режим рухнул, люди опасаются неопределенностей рынка и уповают на скуку государственного попечения»⁴, поэтому деловая активность в стране остается на низком уровне, недостаточно развит частный сектор экономики.

Аргументация Ландеса убедительно показывает, насколько субъективной может сделать исследовательскую позицию ученого излишнее увлечение культуралистскими концепциями, ведь из самой России ситуация, которую описывает американский профессор, представляется несколько по-иному. Очевидно, что, говоря о слабом развитии предпринимательства в современной России, мы, например, не можем игнорировать невероятно сложные условия, в которые поставлен малый и средний бизнес в нашей стране; трудно уже на полном серьезе обсуждать гипотезу о «неправильных» культурных установках россиян, мешающих частной инициативе, когда узнаешь, что только за первое полугодие 2013 г. в России прекратили свой бизнес около 650 тыс. индивидуальных предпринимателей из-за того, что правительство совершенно необдуманно решило увеличить в два раза объем взимаемых с них страховых выплат⁵. Поэтому, не отрицая того факта, что в определенных ситуациях «культура имеет значение», стоит признать куда более дискуссионным постулат о том, что «культура объясняет почти все».

Тем не менее, говоря о современной российской гуманитаристике, приходится констатировать, что в ней оказался весьма популярен как раз более радикальный вариант «культурализма» в духе Д. Ландеса. Как верно заметила О.Ю. Малинова, многие российские гуманитарии, отбросив господствовавшие ранее марксистские схемы с их акцентом на экономический базис в анализе общественных процессов, поспешили вернуться в лоно отечественной интеллектуальной традиции, абсолютно некритично воспроизводя в своих работах мифологемы про «русскую душу» à la Н.А. Бердяев и Ф.М. Достоевский или рефлексирюя, вслед за Н.Я. Данилевским или К.Н. Леонтьевым над особенностями русского «культурного кода»⁶; либо же, добавлю от себя, также некритично воспринимая работы некоторых зарубежных ученых, как было, например, с концепцией «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

В результате увлечение культур-центричными подходами затронуло самые разные социальные науки в России, скажем, среди экономистов одним из известных апологетов «культурализма» является Е.Г. Ясин, который полагает, что «наши главные проблемы сейчас связаны именно с культурой. Для того, чтобы войти в ряды передовых стран по уровню экономического и социального развития, нам нужно “взять культурный барьер”, т.е. решить целый ряд проблем, связанных с особенностями и недостатками нашей системы ценностей»⁷. Однако в рамках данной статьи я хотел бы все-таки сосредоточиться на проблеме культур-центричных подходов в российской политологии и политической философии, поскольку эти сферы гуманитаристики являются наиболее близкими мне с точки зрения профессиональных интересов. Конкретнее – объектом рассмотрения и критики станет «культурный редукционизм» и «культурный эссенциализм», присущие многим отечественным гуманитариям, работающим в области политического знания.

Под первым я понимаю в данном случае метод политического анализа, в рамках которого среди всего многообразия факторов, влияющих на политические процессы, ключевыми считаются ценностные ориентации, ментальные установки и политическая культура населения. О.Ю. Малинова, сравнивая использование концепта «политическая культура» в российской и англо-американской политической науке, констатировала, что если на Западе уже в 1970 – 1980-е гг. «возобладала точка зрения тех, кто рассматривал культуру как “остаточную” категорию, к которой стоит прибегать лишь если другие объяснения не срабатывают»⁸, то в России до сих пор многими исследователями абсолютизируется значение культуры в политических процессах.

В частности, размышляя над одной из центральных тем для политологии в постсоветской России – над проблемой построения демократии – сторонники культурного редукционизма склонны увязывать трудности этого процесса в первую очередь с политической культурой россиян. Так, Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев утверждают, что «традиция политической культуры оказывается важнее для судеб демократии, чем конкретная модель политической системы»⁹. С ними солидарен Э.Я. Баталов: «Трудности становления демократии в нашей стране... во многом обусловлены именно отсутствием политической культуры демократического типа»¹⁰. А Г.Ю. Канарш и вовсе склонен видеть главную причину неудач российского демократического транзита в том, что «душевный склад» и «мироощущение» россиян оказались невосприимчивыми «к демократии как к производству иной (не славянской, не русской) души»¹¹.

Что касается культурного эссенциализма, то применительно к политической науке его можно определить как восприятие политической культуры и, шире, системы ценностей того или иного общества как неизменной, раз и навсегда данной сущности, как наиболее консервативного элемента социальной системы, практически не поддающегося трансформации. Скажем, по мнению академика

Ю.С. Пивоварова, в России исторически «господствует “самодержавная политическая культура”. Ее ключевая характеристика — властечетричность»¹². Разумеется, именно доминированием этого типа культуры объясняются и все неудачи посткоммунистического перехода к демократии: «То, что мы видим сегодня, есть не только и не просто “возвращение” к советским временам. Это возвращение вообще. Возвращение к тому, что было всегда, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм и т.п.»¹³. Ему вторит Э.Я. Баталов: «В последние годы мы видим, как сквозь новый, только формирующийся и пока очень тонкий политико-культурный слой прорастают архетипы российской культуры»¹⁴, главным из которых является этатизм. Получается, что культурные установки носят какой-то неотвратимый, фатальный характер, они довлеют над российским обществом и прорываются в нашу жизнь подобно фрейдовскому бессознательному, обеспечивая нам «вечное возвращение» к авторитаризму, невзирая на все предпринимаемые усилия.

Как видим, культурный эссенциализм и редукционизм на самом деле тесно связаны между собой, ведь если установки и ценности общества неизменны, если они почти не подвержены влиянию со стороны институциональной, правовой, политической и экономической среды, то, конечно же, необходимо обращать наиболее пристальное внимание именно на культурные факторы как наиболее существенные; с другой стороны, заикленность на последних необходимым образом ведет к поиску неких констант духовной жизни народа, безотказно срабатывающих в любых ситуациях.

Что же меня не устраивает в описанной методологии? Начну с культурного редукционизма. Первый его недостаток, который я отметил еще в самом начале статьи, говоря о тексте Д. Ландеса — это сама по себе переоценка культурных факторов в политике в ущерб остальным: структурным, институциональным, правовым и пр. Конечно, любой исследователь, увлеченный своей концепцией, склонен смотреть на изучаемый объект с весьма субъективной точки зрения. В этом смысле сторонники «культурализма» не уникальны. Но именно эта увлеченность ученого собственными теоретическими выкладками и делает столь важной дискуссию и взаимную критику внутри научного сообщества, что позволяет в конечном итоге сформировать более или менее объективный взгляд на проблему.

Изрядная порция конструктивной критики явно не помешает культурному редукционизму. Когда американец Ландес пишет о том, что проблемы с развитием бизнеса в современной России возникают из-за культурных установок населения, «враждебных» предпринимательству, это еще можно списать на плохое знание российских реалий, но когда *отечественный* исследователь доказывает, что победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. была обусловлена спецификой российского менталитета, какими-то глубинными «архетипами» нашего общества, невольно напрашивается вывод, что проблема заключается в *самой методологии* культур-центричного подхода.

Я имею в виду книгу В.Г. Федотовой «Хорошее общество», в которой можно прочитать, что российский народ в 1996 г. переизбрал Ельцина на второй срок по причине «анархизма» своего мировоззрения и специфически российского понимания демократии как «свободы от всего». Оказывается, Ельцин выиграл выборы, потому что в отличие от своего главного оппонента Г.А. Зюганова он ассоциировался у россиян со слабым государством – победа Ельцина давала нашим согражданам «возможность не иметь дела с государством»¹⁵, тем более что к середине 1990-х гг. в России уже появилась значительная прослойка людей, которые «боялись, что коммунисты заставят их работать – вернут к станкам, цехам, полям и фермам. Они [люди, голосовавшие за Ельцина] уже не хотели оставить частный извоз, холодную палатку, свой огород, сомнительный бизнес... и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении – волю»¹⁶.

Не останавливаясь слишком подробно на тех событиях, хотелось бы все-таки напомнить уважаемому исследователю, что еще за полгода до выборов социологические службы фиксировали рейтинг Ельцина в районе 4 – 5%, несмотря на все народные «архетипы», и в Кремле всерьез обсуждался вопрос о запрете КПРФ и переносе президентских выборов. Да, в итоге Ельцин победил, но для этого ему понадобилась невероятно дорогая избирательная кампания с привлечением звезд российской эстрады и лучших политтехнологов, с мобилизацией против коммунистов всех СМИ, с использованием генерала А. Лебеда в качестве спойлера Г. Зюганова и т.д. Заметим, что, несмотря на все эти усилия, в первом туре Ельцин получил лишь на 3% больше голосов, чем Зюганов (35,28% против 32,03%). Не говоря уже о том, что незадолго до этого, в декабре 1995 г., в ходе парламентских выборов этот самый народ, «не желавший работать», сделал коммунистов и их союзников по левому флангу крупнейшей политической силой в Государственной Думе. Поэтому, повторю свою мысль еще раз, *для продуктивного политологического анализа нужно отойти от односторонности культурного редукционизма; культурные факторы должны рассматриваться не иначе как в совокупности с остальными*. А иногда, как в случае с выборами 1996 г., эмпирический анализ конкретного события дает много больше для понимания ситуации, чем любые умозрительные схемы.

Вторая серьезная проблема культурного редукционизма заключается в излишнем детерминизме этой исследовательской парадигмы, превращающем политику из «царства свободы» (где люди всегда имеют возможность выступить против социальных и политических институтов господства и угнетения, потребовать от власти уважения своих прав и свобод) в «царство необходимости», в котором поведение людей и образ их мыслей, работа политических институтов и особенности политического процесса жестко заданы культурными установками. Ведь если следовать логике культурного редукционизма, то выходит, что можно проводить любые политические реформы, бороться за воплощение принципов свободы и демократии в собственной стране, но «властечентричность», этатизм российской политической

культуры или же загадочный «душевный склад» россиян в конечном итоге окажутся сильнее. Исторических развилок не существует.

Поэтому нельзя не согласиться с В.Я. Гельманом в том, что попытки объяснения политического процесса в России «с позиций культурного детерминизма уязвимы как эмпирически, так и методологически»¹⁷ хотя бы потому, что если культурное наследие есть некая судьба, от которой нет спасения, тогда ни с точки зрения политической науки, ни с точки зрения политической практики не может ставиться вопрос о преодолении этого наследия. Тогда неудача демократии в России неизбежна, а все попытки воплотить в жизнь какие-либо политические стратегии, альтернативные имеющемуся положению вещей, будут наткнуться на культурные детерминанты, с которыми ничего нельзя сделать.

Я не готов принять детерминистскую логику культурного редукционизма ни идеологически, так как это означает фактическое примирение с существующим статус-кво в политике, ни с позиции научной истины, поскольку эта логика создает искаженное представление о действительности. Неужели политическое развитие постсоветской России было бы ровно таким же, если бы в 1993 г. противостояние между президентом и Съездом народных депутатов закончилось не расстрелом парламента из танков, а переговорами по образцу испанского «пакта Монклоа» или восточноевропейских «круглых столов» времен «бархатных революций»? Неужели наша политическая история обязательно пошла точно по такому же пути, если бы в России не была принята «самодержавная» Конституция, которая намеренно лишила российский парламент политической субъектности, наделила президента гипертрофированными полномочиями в самых разных сферах и фактически вывела его из-под контроля со стороны других ветвей власти? Неужели судьба российской демократии никак не была связана с тем, что наши элиты в последние двадцать лет делали все возможное, чтобы не допустить смены власти в стране в результате конкурентных выборов (вспомним опять-таки президентские выборы 1996 г., борьбу ельцинской «Семьи» с тандемом Примаков – Лужков в 1999 г. или события 2008 и 2012 гг., когда к власти на один срок был приведен Д.А. Медведев, чтобы потом опять уступить президентское кресло прежнему главе государства)?

Жаль, что тот же Г.Ю. Канарш, сетуя на то, что россияне из-за особенностей своего «национального характера» не смогли «освоить правила демократической жизни», создав все необходимые для этого институты, не пробует анализировать, насколько *реально* демократичными они оказались. Ведь одно дело – учредить в стране институт альтернативных выборов, другое – создать такие условия, при которых можно заблаговременно отсеивать неугодных для власти кандидатов или широко применять так называемый административный ресурс в ходе избирательной кампании; одно дело – формально отменить цензуру, другое – подчинить государству все телеканалы, превратив их в инструмент политической пропаганды; одно дело – декларировать развитие институтов федерализма и местного са-

моуправления, другое — проводить целенаправленную политику по встраиванию этих институтов в систему «вертикали власти» и т.д. Так, может быть, корень проблем с российской демократией продуктивнее искать не в «национальном характере» народа, не в этатистской политической традиции или патернализме отечественной политической культуры, а в том, что реальная демократия в России все эти годы последовательно подменяется ее имитацией? Если мы согласимся с тем, что виновата все-таки *не только* культура, то в этом случае задача политолога и политического философа, по крайней мере, выглядит более оптимистичной — не скорбеть по поводу «неправильной» российской ментальности, а продумывать возможные способы институционализации демократических правил игры в российской политике.

Разумеется, мне могут возразить известной фразой о том, что бессмысленно говорить о прошлом в сослагательном наклонении и оценивать вероятные альтернативы — произошло то, что произошло: у России именно эта, суперпрезидентская, Конституция; политический кризис 1993 г. закончился именно так, как он закончился и пр. Это все верно и, более того, я готов согласиться с тем, что политическая культура российского общества в определенных ситуациях способствовала такому развитию событий. Но из этого вовсе не следует автоматически, что постсоветская Россия была *обречена* идти по пути имитационной демократии.

Давайте посмотрим на политическую ситуацию в Украине. Либерально настроенная часть российского общества в последние годы неоднократно говорила с завистью, что там, в отличие от России, существует активная политическая жизнь, есть свобода слова, происходят бурные дебаты в парламенте (наш-то, как мы знаем, «не место для дискуссий») и пр., а совсем недавно в результате народных волнений и вовсе был свергнут президент страны. Часто это объясняется как раз «другой политической культурой», «близостью Украины к Европе» и т.д. Но при этом почему-то забывают, что до 2004 г. политическое развитие Украины по большому счету мало чем отличалось от российского, и в ходе президентских выборов 2004 г. уходящий президент Л.Д. Кучма пытался передать власть собственному ставленнику В.Ф. Януковичу, занимавшему пост премьер-министра, т.е. осуществить сценарий, схожий с тем, что имел место в России в 2000 г. Но возмущенные вероятной фальсификацией выборов, десятки тысяч украинцев вышли тогда на улицы и добились повторного голосования, в ходе которого Янукович проиграл выборы В.А. Ющенко. Именно победа «оранжевой революции» стала толчком к демократизации политической жизни Украины, в частности, была проведена конституционная реформа, принципиально усилившая роль парламента в политической системе, значительно более свободной стала общественная атмосфера и т.д.

Сильно ли отличается украинская политическая культура от российской? Конечно, определенные особенности существуют, ведь любое общество по-своему уникально. Тем более, что есть фактор Западной Украины — региона во многих отношениях специфическо-

го. Но ведь украинское общество – это не только Львов и Черновцы, поэтому, учитывая историческую и культурную близость двух народов, я не стал бы принципиально противопоставлять друг другу их политические культуры. Просто в Украине произошел явный раскол элит, часть которых в 2004 г. вовсе не желала победы «донецких», на это наложилось недовольство народа нечестным подсчетом голосов и ряд других факторов, создавших в тот момент благоприятные условия для демократизации украинской политики.

Этот пример показывает, что исторические развилки существуют, и для российского общества, как для украинского и для любого другого, всегда наличествует возможность выбрать для себя политическую свободу, заявить свою субъектность и попытаться создать механизмы контроля над властью. Доминирующие политические установки и ценности могут расширять или сужать «окно возможностей», которое открывается в этом смысле перед тем или иным народом в конкретный момент времени, но *они не определяют полностью характер политической системы.*

Теперь перейдем к анализу позиций культурного эссенциализма. По всей видимости, его корни лежат в таком же эссенциалистском понимании народа, нации как естественного, органического образования, которое обладает рядом антропоморфных черт – характером, душой, особенностями мировоззрения и т.д. Если эти черты имманентно присущи какому-либо народу, то логично, что они воспроизводятся на протяжении всей его истории, проявляясь в особенностях социального развития, в артефактах культуры, в политическом устройстве. Соответственно, и политическая культура, как элемент «национального духа», тоже подвержена изменениям в самой минимальной степени. Отсюда и многочисленные попытки поиска какого-то инварианта российской ментальности, который можно было бы обнаружить в различные исторические периоды.

Например, С.А. Никольский находит этот инвариант в «имперскости» российского сознания, в представлении о том, что у русских есть некая высшая миссия на земле: «Может быть, наиважнейшая мысль, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней, есть мысль об империи и о том, что они – имперский народ»¹⁸. Как видно, русские пронесли имперское сознание через всю свою историю, причем оно полностью определило их мировоззрение, сохранилось оно и в советский период, обретая форму идеологемы «СССР – оплот мирового коммунизма», живо имперское сознание и сегодня, хотя самой империи больше нет. Про варианты других доминант российского политического сознания я уже упоминал в этой статье – властечетричность у Ю.С. Пивоварова, этатизм у Э.Я. Баталова.

Но всегда ли уместны такие обобщения, и не являются ли они в конечном итоге лишь стремлением приписать людям прошлого какие-то представления и ценности, в реальности являющиеся лишь нашими собственными конструкциями? Мне, допустим, представляется совершенно искусственной попытка найти какую-то нить,

связывающую воедино мировоззрение советского колхозника периода позднего «застоя» с ценностными установками крестьянина из эпохи Екатерины II или Бориса Годунова на том лишь основании, что все они принадлежат к примордиалистски понимаемому русскому народу. С.А. Никольский полагает, что всех этих людей объединяет «имперская идея», но лично мне сложно вообразить русского крестьянина, пробирающегося в Сибирь с четким осознанием того, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», а потому среди якутов или юкагиров он является хранителем идеи православного мессианства. Возможно, какие-то элементы официальной имперской идеологии и проникли в народное сознание, но происходило это в такой превращенной форме, усваивалось народом настолько интуитивно и метафорически, что говорить о русском народе как носителе имперского сознания я бы не решился. К тому же все исследователи русской общины констатировали, что сознание русского крестьянина сугубо локально, оно ограничивается лишь общиной и не выходит за ее пределы — об этом много писали и русские народники в XIX в.¹⁹, и современные ученые²⁰.

Что касается властечетричности и этатизма, то здесь тоже нужно быть предельно осторожными с любыми обобщениями. Конечно, нет ничего проще, чем, указав на причину, столетия самодержавия и сталинизм, сделать вывод о «тысячелетнем рабстве», в условиях которого жил русский народ и которое предопределило его психологию. Власть — «единственный субъект русской истории»²¹, пишет Ю.С. Пивоваров, как будто в нашей истории не было ни вечевого традици домонгольской Руси²², ни Смуты начала XVII в., сопровождавшейся мощным общественным подъемом и завершившейся ограничением царской власти (правда, только на некоторое время)²³; как будто события начала XX в. не показали, что русское общество обладает необходимым потенциалом для интеграции и консолидации, в том числе и *против собственной власти*. Чтобы не быть голословным в отношении последнего аргумента, хотелось бы просто напомнить некоторые факты из истории предреволюционной России. Например, как в 1899 г. после отчисления по политическим мотивам нескольких студентов Петербургского университета в России происходит студенческая забастовка солидарности, в которой участвует 30 000 студентов — заметим, что это был каждый четвертый (!) российский студент; как после «Кровавого воскресенья» по всей стране нарастает забастовочное движение, выдвигающее не только социально-экономические, но и политические лозунги. Причем к акциям солидарности рабочих присоединяются различные ассоциации врачей, юристов, агрономов и пр., а апогеем этого процесса стала Всероссийская политическая стачка октября 1905 г. — первая в мире общенациональная забастовка, в которой приняло участие около 1,5 млн человек. Я уже не говорю про историю возникновения советов как института низовой самоорганизации рабочих, которые действовали с большим размахом в ходе событий 1905 — 1907 гг. Скажем, питерский Совет рабочих депутатов включал в себя делегатов от почти 200 столичных заводов и мастер-

ских, аналогичные советы создавались в Москве, Ивано-Вознесенске, Одессе, Твери, Нижнем Новгороде и других городах. Чтобы не создавалось впечатление, что процессы интеграции затронули только сравнительно небольшую прослойку российских горожан, стоит сказать, что Всероссийский крестьянский союз, насчитывающий около 200 тыс. членов, был одной из крупнейших общественных организаций дореволюционной России²⁴.

Интересные социальные тенденции имели место и в ходе революции 1917 г. Здесь, не имея возможности остановиться на подробностях, я могу сослаться на богатую фактологическим материалом книгу воспоминаний революционера Всеволода Эйхенбаума, писавшего под псевдонимом Волин²⁵. Будучи убежденным анархистом и соратником Нестора Махно, Волин был как раз очень внимателен к процессам самоорганизации, идущим от самого населения, поэтому он описывает русскую революцию и Гражданскую войну в совершенно непривычном для нас ключе — не как борьбу Ленина с Керенским или «красных» с «белыми», а как период образования различных автономных коммун, советов и других низовых институтов.

Как видим, российское общество далеко не всегда проявляло себя как этатистское, властечетричное и патерналистское. Но как же тогда быть с теми аргументами, которые предъявляют сторонники концепции «тысячелетнего рабства»? Ведь и их позиция выглядит порой вполне убедительно: нам никуда не деться ни от сталинизма, ни от образа «царя-батюшки» в народном сознании. На мой взгляд, решение состоит не в том, чтобы противопоставлять друг другу два взгляда на российскую политическую традицию, а в том, чтобы примирить их. Для этого необходимо отказаться от холистского понимания политической культуры как некоего монолита, единого целого, неизменного в своих сущностных чертах. В противоположность эссенциализму, следует признать, что *политической культуре и системе ценностей любого общества присущ определенный динамизм*. Политические установки и ценности не существуют неизменно на протяжении многих столетий, в различные исторические периоды под влиянием обстоятельств, изменения социально-экономических и политических условий, они могут существенно трансформироваться. Простой пример: в конце 1980-х — самом начале 1990-х гг. российское общество проявляет значительную социальную активность: идет образование партий, собираются митинги численностью в сотни тысяч человек, наблюдается высокий интерес к политике среди всего населения, популярны идеи демократии, свободы, рыночной экономики и пр. Проходит несколько лет, и к середине 1990-х гг. социально-политическая активность уже заметно ниже, наступает резкое разочарование в идеалах свободы и демократии. Но ведь перед нами один и тот же народ. Что же изменилось? Просто наступило время адаптации к новым, весьма жестким, социальным реалиям, время падения жизненного уровня населения, неуверенности в завтрашнем дне. Отсюда и апатичность, рост ностальгических настроений по сильному государству и «твердой руке». Эта перемена явно фиксируется социологическими опросами:

если в 1989 г. 44% респондентов считало, что «ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека», то в 2008 г., после 20 лет рыночных реформ, таких было только 18%²⁶; в 1990 г. лишь 25% населения отдавало предпочтение заботе государства о людях перед инициативой самих людей, тогда как в 2012 г. уже 82% считало, что «государство должно больше заботиться о людях», а 12% респондентов полагало, что «люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе»²⁷. Резкая смена общественных настроений за такой короткий отрезок времени лишний раз показывает, что *существует серьезная проблема эмпирической фиксации предполагаемых инвариантов общественного сознания и политической культуры*. Когда нам объявляют, что российское общество – имперское и патерналистское по своим исконным политическим ориентациям, то в качестве одного из аргументов часто предъявляют именно данные социологических опросов, однако, как мы только что убедились, опросы демонстрируют не какие-то глубинные установки и архетипы, а скорее *настроения*, гораздо более ситуативные и неустойчивые.

Второй важный момент заключается в том, что в реальности *в рамках одной политической культуры одновременно сосуществуют различные субкультуры, которые порой принципиально различаются по своим характеристикам*. Применительно к современной России это хорошо показала Наталья Зубаревич в своей статье «Четыре России». На самом деле, пишет исследователь, мы имеем не одну, а сразу четыре «России», сильно отличающиеся друг от друга по своему экономическому и социальному развитию и, вследствие этого, по своим ценностным установкам. Это Россия крупных городов со значительной долей динамичного и образованного населения; это Россия «средних промышленных городов», во многом сохраняющая советский образ жизни; это Россия «села, поселков и малых городов» – депрессивная, аполитичная; и четвертая Россия – Россия дотационных республик Северного Кавказа и Южной Сибири²⁸. Понятно, что в этой ситуации мы не можем говорить о единой «русской политической культуре», в одинаковой степени свойственной всем этим «Россиям». Скорее нужно выделять отдельные ценностные блоки, сосуществующие в российском обществе.

Так, среди некоторых категорий населения (люди старшего поколения, жители депрессивных регионов) сохраняется система ценностей, которую можно назвать «советской». Для ее носителей характерна ностальгия по советскому прошлому, упование на значительную заботу государства о своих гражданах, приверженность уравнильным идеям. Определенное родство с советской системой ценностей имеет «православно-традиционалистский» ценностный блок – в частности, им обоим свойствен этатизм и «державный» патриотизм, гордость за имперское прошлое страны (то самое «имперское сознание», о котором пишет Никольский), и скорее негативное отношение к демократии, изоляционизм. Различия же состоят в том, что традиционалистам часто присуща идеализация дореволюционной России, национализм и клерикализм. Еще одну ценностную систему

координат можно определить как «либерально-демократическую». Элементы, ее составляющие, — это приверженность идеям демократии, высокая значимость либеральных свобод, индивидуализм и секуляризм, симпатии к Западу (причем не только к уровню жизни, но и к социально-политической системе западных обществ). Носителями «либерально-демократической» системы ценностей в России выступают преимущественно жители крупных городов, часть интеллигенции, среднего класса и образованной молодежи. Понятно, что это всего лишь идеал-типическая модель, в реальности ценностных блоков внутри российской политической культуры намного больше. Кроме того, в рамках одной социальной группы могут находиться носители различных политических субкультур, наконец, элементы отдельных ценностных блоков могут даже уживаться в голове одного человека. Но в любом случае важно учитывать этот плюрализм субкультур и сложные механизмы их взаимодействия между собой. Разговор о «русской политической культуре» вообще, без уточнения «времени и места», просто беспредметен.

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что понятие «политическая культура» и культуралистский подход в целом, безусловно, обладают значительным исследовательским потенциалом. Понятно, что построение в той или иной стране консолидированной демократии невозможно без адекватной ей политической культуры (так называемого демократического этоса); ясно, что установки и ценности населения влияют на политический процесс — скажем, российский уровень коррумпированности политической элиты был бы невозможен в Германии, где даже сотая доля наших коррупционных скандалов давно бы отправила в отставку под давлением общественного мнения любого представителя власти.

Пафос моей статьи был направлен не на отказ от концепции политической культуры, а на отход от абсолютистских и эссенциалистских трактовок этого феномена в пользу более комплексного подхода в изучении политических процессов. Трудно не согласиться с американскими исследователями в том, что различные подходы к объяснению политики «не соперники, а союзники... Вместо того чтобы спрашивать, порождают ли институты культуру, или же культура порождает институты, нам следовало бы обращать внимание на совместно производимый ими эффект»²⁹. Я убежден, что только так можно сделать концепт «политическая культура» по-настоящему эвристически ценным. В противном случае придется признать правоту опасений Люсьена Пая, заметившего как-то, что понятие «политическая культура» грозит стать «остаточной категорией, небрежно используемой для объяснения всего того, что не может быть объяснено с помощью более точных и конкретных факторов»³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Культура имеет значение / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований, 2002.

² Хантингтон С. Предисловие. Культуры – это серьезно // Культура имеет значение. С. 10.

³ Ландес Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет значение. С. 38.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Карпенко Е. Малый бизнес ждет в тени // Газета. ру. 06.06.2013. – URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/06/06/5370215.shtml> (дата обращения 16.02.2014).

⁶ См.: Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. 2006. № 3. С. 19 – 21.

⁷ Ясин Е. Культура имеет значение. Только свободные творческие личности могут создать новую экономику // Российская газета. 2010. 24 мая. № 5189. – URL: <http://www.rg.ru/2010/05/24/yasin.html> (дата обращения 15.02.2014).

⁸ Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // Политическая наука. 2006. № 3. С. 18.

⁹ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Издательский сервис, 2004. – С. 266.

¹⁰ Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 7.

¹¹ Канарш Г.Ю. Национально-психологические особенности России и проблема политической модернизации // Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. – М.: ИФРАН, 2010. С. 249 – 250, 254.

¹² Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. 2005. № 6. – URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm> (дата обращения: 01. 02. 2014).

¹³ Там же.

¹⁴ Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 17.

¹⁵ Федотова В.Г. Хорошее общество – М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 335.

¹⁶ Там же. С. 224.

¹⁷ Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2 (57). С. 14.

¹⁸ Никольский С.А. После империи // Независимая газета. 09 ноября 2013. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-10-09/10_empire.html (дата обращения 04.02.2014).

¹⁹ См., например: Герцен А.И. Русский народ и социализм // Герцен А.И. Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1986; Чернышевский Н.Г. Письма без адреса. – М.: Советская Россия, 1986.

²⁰ Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. – СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.

²¹ Пивоваров Ю.С. Русская политическая культура и political culture // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 36.

²² Подробнее об этом см.: Летняков Д.Э. Вечевая традиция домонгольской Руси как фактор образования городских сообществ протогражданского типа // Вестник РГГУ, № 14/09.

²³ Подробнее см.: Глинчикова А.Г. Раскол или срыв русской «Реформации»? – М.: Культурная революция. – 2008; Летняков Д.Э. Смутное время в России: от Революции к Реставрации // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 1.

²⁴ Эти и многие другие исторические факты можно найти в книге: Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905 – 1907, 1917 – 1922. – М.: Весь мир, 1997.

- ²⁵ Волин (Всеволод Эйхенбаум). Неизвестная революция. 1917 – 1921. – М.: НПЦ «Праксис», 2005.
- ²⁶ См.: Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. – М.: Весь мир. 2010. С. 33.
- ²⁷ См.: Иванов М. России запросили строгий режим // Коммерсант. № 138 (4923). 28 июля 2012. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rm/1990744> (дата обращения 09.02.2014).
- ²⁸ Зубаревич Н. Четыре России // Ведомости. 30 декабря 2011. – URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (дата обращения 10.02.2014).
- ²⁹ Elkins D.J., Simeon R.E.B. A Cause in Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain? // Comparative Politics. XI. 1979. P. 139 (цит. по: Формизано Р.П. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. № 3. С. 119).
- ³⁰ Pye L.W. Culture and Political Science // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.W. Sills (ed.). – N. Y., 1968. XII. P. 287 (цит. по: Формизано Р.П. Понятие политической культуры. С. 116).

REFERENCES

- Batalov E. Politicheskaya kul'tura v sovremennoy Rossii skvoz' prizmu civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3.
- Biryukov N.I., Sergeev V.M. Stanovlenie institutov predstavitel'noy vlasti v sovremennoy Rossii. – Moscow, 2004.
- Chernyshevsky N.G. Pis'ma bez adresa. – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1986.
- Elkins D.J., Simeon R.E.B. A Cause in Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain? // Comparative Politics. XI. 1979.
- Fedotova V.G. Khoroshee obschestvo – Moscow: Progress-Traditsiya, 2005.
- Formisano R.P. Ponyatie politicheskoy kul'tury // Pro et Contra. 2002. № 3.
- Furman D. Dvizhenie po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v ryadu drugih sistem. – Moscow, 2010.
- Gelman V.Ya. «Podryvnye» instituty i neformal'niye upravlenie v sovremennoy Rossii // Politiya. 2010. № 2 (57).
- Glinchikova A.G. Raskol ili sryv russkoy «Reformatsii»? – Moscow, 2008.
- Herzen A.I. Russkiy narod i sotsializm // Herzen A.I. Sochineniya. V 2 t. T. 2 – Moscow, 1986.
- Huntington S. Predislovie. Kul'tury – eto ser'yezno // Kul'tura imeet znachenie / ed. by L. Harrison and S. Huntington. – Moscow, 2002.
- Ivanov M. Rossii zaprosili strogiy rezhim // Kommersant. № 138 (4923). 28 July 2012. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc-rm/1990744> (retrieved on 09.02.2014).
- Kanarsh G.Yu. Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti Rossii i problema politicheskoy modernizatsii // Menyayushchayasya sotsial'nost': novye formy modernizatsii i progressa. – Moscow, 2010.
- Karpenko E. Malyy biznes zhdet v teni // Gazeta.ru. 06.06.2013. – URL: <http://www.gazeta.ru/business/2013/06/06/5370215.shtml> (retrieved on 16.02.2014).
- Landes D. Kul'tura ob'yasnyaet pochti vse // Kul'tura imeet znachenie.
- Letnyakov D.E. Smutnoe vremya v Rossii: ot Revolyutsii k Restavratsii // Vestnik RUDN. Seriya Politologiya. 2010. № 1.
- Letnyakov D.E. Vechevaya traditsiya domongol'skoy Rusi kak faktor obrazovaniya gorodskikh soobshchestv protograzhdanskogo tipa // Vestnik RGGU. 2009. № 14.
- Lurie S.V. Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. – Saint Petersburg, 1994.

Malinova O.Yu. «Politicheskaya ku'tura» v rossiyskom i anglo-amerikanskom nauchnom diskurse // Politicheskaya nauka. 2006. № 3.

Nikolsky S.A. Posle imperii // Nezavisimaya gazeta. 09 November 2013. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-10-09/10_empire.html (retrieved on 04.02.2014).

Pivovarov Yu.S. Russkaya politicheskaya kul'tura i political culture // Pro et Contra. 2002. № 3.

Pivovarov Yu.S. Russkaya vlast' i publichnaya politika. Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita // Polis. 2005. № 6. – URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2006/1/2.htm> (retrieved on 01. 02. 2014).

Pye L.W. Culture and Political Science // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.W. Sills (ed.). – N. Y., 1968. XII.

Shanin T. Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905 – 1907, 1917 – 1922. – Moscow, 1997.

Volin (Vsevolod Eikhenbaum). Neizvestnaya revolyutsiya. 1917 – 1921. – Moscow, 2005.

Yasin E. Kul'tura imeet znachenie. Tol'ko svobodnye tvorcheskie lyudi mogut sozdavat' novuyu ekonomiku // Rossiyskaya gazeta. 2010. 24 May. № 5189. – URL: <http://www.rg.ru/2010/05/24/yasin.html> (retrieved on 15.02.2014).

Zubarevich N. Chetyre Rossii // Vedomosti. 30 December 2011. – URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (retrieved on 10.02.2014).

Аннотация

В современной российской политологии существует явная тенденция к абсолютизации роли культурных и ценностных факторов в политических процессах. В частности, именно политической культурой зачастую объясняются проблемы с построением демократии в постсоветской России, установление тоталитарного режима в СССР и т.д. Однако автор статьи полагает, что переоценка культурных факторов в политике вряд ли является продуктивной, и при ближайшем рассмотрении политико-культурный подход нередко демонстрирует ограниченность своей методологии.

Ключевые слова: политическая культура, политология, ценности, установки, политические процессы, демократия.

Summary

The main point of the paper is the analysis of cultural approaches in political science. The fact is that contemporary Russian researchers have an addiction to absolutizing cultural and value factors while investigating political processes. But the author considers that we shouldn't overemphasize cultural factor, because political culture, values and attitudes are indeed just one of the variety of factors that influence politics.

Key words: political culture, political science, values, attitudes, political processes, democracy.